

Школа
верховой езды

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Екатерина Неволина
ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

Анна Захарова
ЗАКОЛДОВАННАЯ МЕЛОДИЯ
БЕЛЫЙ КУБОК

Ольга Персиянова
ПРИРУЧАЯ СКАЗКУ

Анна Трифонова, Юлия Асланова
ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

Екатерина Неволина
И СНЯТСЯ ЗВЕЗДЫ ЛОШАДЯМ

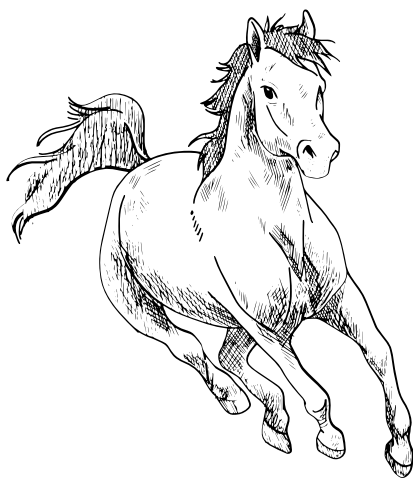
Анастасия Маркелова
ПОРТРЕТ СКАКУНА

Екатерина Каблукова
ОСЕДЛАТЬ МЕЧТУ
ПОЙМАТЬ УДАЧУ ЗА ХВОСТ

АЛИСА ЦВЕТКОВА

СЧАСТЛИВЫЙ
БИЛЕТИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц27

Иллюстрация на обложке *Анны Гайворонской*
Дизайн обложки *Яны Половцевой*

Цветкова, Алиса.

Ц27 Счастливый билетик / Алиса Цветкова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-17-184813-2

У Алёны уже был шанс заняться верховой ездой, но всё пошло наперекосяк. Мама скептически причитала: «Куда такой малышке в седло?» Сестра Вера, попавшая в секцию, задирала нос. Алёне оставалось только рисовать лошадок в тетради и мечтать. Надеясь, что интерес сестры поутихнет, Вера соглашается помочь ей в маленькой затее. Вместе с сестрой и новой подругой Яной Алёна отправляется на весенний интенсив на ипподром, чтобы попробовать получить свой счастливый билетик в мечту.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алиса Цветкова, текст

© В оформлении использованы материалы
по лицензии © shutterstock.com

ISBN 978-5-17-184813-2

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Эта история случилась в те времена, что теперь кажутся почти былинными. Времена, пахнущие резиной от «Икарусов»¹, горелым кофе из автоматов и свежотпечатанными газетами. По улицам тогда неторопливо ползали желтые автобусы, школьницы бегали в одинаковой черной форме с белыми фартуками, а чтобы позвонить родным с улицы, требовался таксофон.

Тогда ребята пропадали во дворах с утра до вечера, играя в казаки-разбойники или строя штабы в кустах, и не торопились домой. А их мечты жили в потрепанных библиотечных книгах, в треске виниловых пластинок и в размытом изображении телевизора.

Любая пионерка знала: чтобы исполнить мечту, нужно объединить старание и каплю везения. И если первого у нее было в избытке, то со вторым приходилось сложнее.

¹ Знаменитые автобусы венгерской компании «Икарус», массово использовавшиеся в СССР. — *Прим. ред.*

У какого кондуктора в автобусе можно раздобыть счастливый билет с заветными числами? В каком палисаднике отыщется куст сирени с цветком о пяти лепестках, исполняющим желания? Заранее не узнаешь, но удача на то и удача, чтобы приходить внезапно, в самый неожиданный момент. И быть может, где-то уже ждет тот самый единственный счастливый билетик.

Осень

—...А сейчас давайте все дружно посмотрим на карту! Внимание на условные обозначения! Полезные ископаемые... Петрова! Не спи! Понимаю, погода, но уснуть на уроке — это слишком!

Пронзительный голос Нины Ивановны, учительницы географии, разрезал дремотную тишину класса. Как будто в унисон ее словам за широким окном пророкотал глухой, протяжный раскат грома. Даже зазвенели стекла в рамах. Еще с самого утра свинцово-сизые тяжелые тучи неспешно заволокли небо, и пришлось включить все люминесцентные лампы, отчего лица учеников приобрели болезненный зеленоватый оттенок. Убаюкивающая капель усилилась, перейдя в настойчивый барабанный бой по стеклам. Школьники невольно поежились

от сквозняка — холод пришел этой осенью рано, едва успев порадовать коротким бабьим летом. В полутьме, закутавшись в свитеры, под монотонный аккомпанемент дождя даже самые прилежные ученики седьмого «А» впадали в сладкую полудрему.

— Да чего я одна-то? — возмутилась, вскакивая, худощавая Петрова с предпоследней парты. Ее громкий, визгливый возглас пробудил класс, и ученики недовольно заерзали, оборачиваясь. — А.. Серова вообще рисует. Опять своих коней. Тоже мне, художница-передвижница¹!

«Художницу», соседку долговязой Петровой, звали Алёна Серова, и девочка отчаянно не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Особенно сейчас, когда ее мысли витали где-то очень далеко от скучных условных обозначений. Смотрела она вовсе не на огромную карту, закрепленную магнитиками на грифельной доске, а гораздо выше.

Прямо над доской висела удивительно красивая репродукция — золотистое поле пшеницы

¹ Художники-передвижники возили свои картины из столиц в провинциальные города России и устраивали там передвижные выставки, чтобы сделать искусство доступным для широкой публики. — *Прим. ред.*

под безоблачным лазурным небом. Та самая теплая, ласковая и щедрая осень, которой в этом году так и не удалось насладиться. Среди этих нарисованных бескрайних просторов и представляла себя Алёна: верхом на соловой¹ лошади, такой же ослепительно-золотой, как спелые колосья. С белоснежной шелковистой гривой, развевающейся на ветру.

Даже не поднимая глаз, Алёна выводила на последней странице тетради в клеточку знакомый силуэт, который рисовала уже тысячу раз.

Но теперь Алёну Серову резко вернули в реальность: парта, скучный урок, круглый циферблат часов над входом в класс, неумолимо отсчитывающий секунды, а за окном — гипнотизирующий, монотонный стук дождя.

— Серова? — повторила учительница, и в ее голосе зазвенела сталь.

Алёна вздрогнула, словно ее окатили ледяной водой, и растерянно заозиралась. Одного взгляда на лица одноклассников хватило, чтобы осознать: ее рисунки привлекли куда больше внимания, чем хотелось.

¹ Масть лошади, которой присущ желтоватый окрас с более светлым хвостом и гривой. — *Прим. ред.*

— У нее, видимо, вместо географии урок рисования, — ехидно вставила Петрова, растягивая широкий рот в самодовольной ухмылке.

Алёна прикрыла тетрадь ладонью, словно секретный документ. Заметив ее жест, одноклассники — включая саму Петрову, только что пойманную на дремоте, — тихонько загоготали. Но стоило учительнице с грохотом отодвинуть стул, как в классе вновь воцарилась тишина. С Ниной Ивановной связываться не хотели и самые отчаянные хулиганы. Даже «камчатские» парни прикусили язык.

Петрова открыла было рот, но тут же захлопнула.

«Ага, хочет, небось, «перевести стрелки» и выйти сухой из воды. Она же «отличница и спортсменка», как минимум в собственном воображении, и готова на все, лишь бы не потерять статус», — подумала Алёна, меряя соседку взглядом. Высоченная, костлявая, с вечно удивленно выпученными глазами. Она верила, что создана для подиума и сделает карьеру манекенщицы. Алёна же считала, что Петрова создана для карьеры птицы-козодоя. В учебнике географии на третьей странице как раз был портрет этого «красавца».

«Ну двойник Петровой! — подумала Алёна. — Тоже тощий, пучеглазый и с огромным хищным клювом».

Алёну тоже подмывало поделиться этим наблюдением, чтобы позлить Петрову, но дерзить при Нине Ивановне девочка не решилась. Учительница тем временем объявила:

— Так, записываем домашнее задание! Завтра жду от всех аккуратно подписанные контурные карты! От Петровой и Серовой — в первую очередь! Иначе — жирная двойка в журнал, и не карандашом, а сразу красной ручкой!

Для пущей убедительности учительница поставила две жирные точки в журнале напротив названных фамилий — чтобы не забыть. Седьмой «А» давно усвоил: Нина Ивановна угрозу на ветер не бросает.

— Возвращаемся к теме урока! Смотрим на карту внимательно: здесь, на Восточно-Европейской равнине...

— Стукачка ябедническая, — сквозь сомкнутые зубы процедила Алёна, не отрывая пристального взгляда от доски.

— Художница бездарная, — так же тихо, но ядовито фыркнула Петрова. — Тетради портишь. Лучше бы делом занялась. На географии —

рисуешь, на физкультуре — едва ноги переставляешь, как сонная муха. . .

Петрова не успела развить свою мысль, так как поймала на себе уничтожающий ледяной взгляд Нины Ивановны. Алёне отчаянно хотелось парировать, что лучше уж портить тетради, чем жизнь окружающим, но риск получить двойку и последующий разбор полетов на классном часе был слишком велик.

Нарываться не стоило — конец первой четверти не за горами. А Петрова, если ее хорошенько задеть, наверняка поднимет шум. Нина Ивановна взорвется гневной тирадой, а потом их полчаса будут «прорабатывать» на общем собрании.

«Нет уж, дудки!» — устало подумала Алёна и, сделав вид, что очень заинтересовалась картой, осторожно перелистнула страницу, пряча рисунок. Вполне симпатичный, между прочим, конь получился. Живой.

«Теперь даже рисовать нельзя, — с тоской подумала она, вполуха слушая разглагольствования учительницы о месторождениях каменного угля. — На конюшню не пускают, на ипподром не возят. Помечтать, и то запрещено. Почему в моей жизни сплошная несправедливость?»

Экономическая география казалась Алёне бесконечно скучной и далекой. Взгляд так и но-

ровил соскользнуть вверх, к заветной картине с золотыми полями, но Алёна строго-настрого запретила себе смотреть туда. Чтобы окончательно не задремать, она уставилась в окно — и увидела фасад своего дома.

Новенькая шестнадцатизэтажка светло-голубого цвета с просторными застекленными лоджиями горделиво возвышалась прямо напротив школы. В их квартире кто-то зажег свет. Не иначе как Верка, старшая сестра, уже вернулась из школы.

«Везет же некоторым, — с горькой тоской вздохнула Алёна. — Сейчас пообедает спокойно и поедет на занятия в конюшню, к своим лошадам». Она живо представила, как сестра наспех закидывает в себя котлету с макаронами, переодевается в потрепанную, пахнущую сеном форму и спешит на автобусную остановку.

А ведь Алёнка тоже могла бы сейчас кататься, если бы не... Ох, этот дурацкий, нелепый случай, перевернувший все с ног на голову.

Верке достаточно было один раз попроситься «к лошадкам», и ее тут же записали, а Алёне родители категорически запретили верховую езду. И нет, никакого злого умысла у них не было. Наоборот, они всегда искренне хотели сделать как

лучше для обеих дочерей. Просто Алёна в свои нежные годы не была ангелом... как, впрочем, и ее старшая сестра.

Алёнка с ранних лет бегала хвостиком за Верой, бездумно все за ней повторяя и не отлипая ни на шаг. Уж очень она восхищалась самостоятельной и немного загадочной сестрой, а порой — тайно и горько завидовала. Нет, не вещам или игрушкам — девочкам покупали все абсолютно одинаковое, дабы ни в коем случае не обидеть. Но было кое-что, чего нельзя было достать ни в «Детском мире», ни в комиссионке: подружки, интересные, «взрослые» игры во дворе, секреты, шепотом рассказанные на ушко, секции... Но попевать за сестрой было так тяжело! А Вера и ее подружки откровенно скучали в компании повторюшки-Алёнки и убегали от нее в самые потаенные уголки двора.

Однажды Вера запросилась в театральный кружок при Доме пионеров. Родители недолго думая записали туда обеих сестер, для компании и чтобы младшая не чувствовала себя обделенной.

Но первое же занятие прошло из рук вон плохо. Вместо выступления на сцене они слушали скучную лекцию. Активная и непоседливая Алёна

устала, расшалилась, и стоило преподавательнице ненадолго выйти из класса, как она затеяла с другими детьми игру в салочки. Закончилось все быстро и шумно: Алёнку, как заводилу, выставили за дверь до конца занятия.

«Баловались, главное, все, а стояла в коридоре и краснела только я одна, — с обидой и грустью вспомнила Алёна. — Да и разве театральный кружок — это нудные лекции?»

Когда родители пришли забирать дочек, Вера вышла из класса пунцовая от злости и громогласно, на весь холл, объявила, что «Алёнка ее навеки опозорила перед всей студией, так что на эти занятия она больше ни ногой». Алёна же стояла, вжавшись в стену, красная как рак, боясь поднять глаза на родителей.

Так и закончилась история с театральным кружком, но уже вскоре началась новая: родители записали девочек в изостудию.

Алёна и там умудрилась навести шума, решив попробовать виноград, который все пытались нарисовать. Он оказался муляжом из папье-маше и заодно частью какого-то там «натюрморта», Алёна тогда не знала, что это за слово. Она только поняла, что трогать виноград было строжайше запрещено.

